

Чехова Ольга

ЧТИВО

Веселое Царское Село...

Что в действительности побудило меня покинуть эти сады моей счастливой юности, почти без всякого перехода выпорхнуть из заботливого родительского дома, сказать трудно.

Возможно, именно эта безмятежность бытия, противоречившая моему состоянию «бури и натиска», возможно, внутреннее сопротивление абсолютной неискренности, которую все еще лелеяли во мне мои добропорядочные родители, оберегая детей от политических и жизненных проблем; может быть, это многие из тех вещей, о которых «не говорят», — повсеместно назревавшее и уже откровенно обсуждавшееся падение царского абсолютизма или «взаимоотношения между мужчиной и женщиной».

Родители согласны.

Они отправляют меня в Москву к тете Ольге Книппер-Чеховой. Под ее покровительством я посещаю школу-студию при Московском Художественном театре. Мой учитель — Константин Сергеевич Станиславский — один из основателей этого всемирно знаменитого театра.

Правда, пока не ему и не его школе-студии отдано мое восторженное девическое сердце, а моему кузену Михаилу Чехову, молодому, талантливому актеру театра Станиславского.

Я знакома с ним давно. Уже маленькой девочкой была к нему неравнодушна, когда он, как правило со своим дядей Антоном Чеховым, бывал у нас в гостях. Мое сердце билось чаще, когда Миша оказывался где-нибудь поблизости, и я постоянно искала и находила предлог, чтобы быть с ним рядом.

Михаил Чехов для меня красивее и пленительнее всех актеров и даже всех мужчин. Я схожу по нему с ума и рисую себе в своих ежедневных и еженощных грезах, какое это было бы счастье — всегда-всегда быть с ним вместе...

И тут на помощь приходит великий случай. Для благотворительно-го предствления мы оба репетируем в «Гамлете». Миша — Гамлет, я — Офелия. Репетиции полны тайного флирта, но дальше этого дело не идет. Я робка, а Миша — я все еще опасаясь — недостаточно влюблен...

И вот наступает великий день. Спектакль исполняется перед исключительно избранной публикой. Бурные аплодисменты, я преисполнена гордости. Вновь и вновь мы с Мишей появляемся перед занавесом. Станиславский хвалит меня, тетя Ольга поздравляет, это мой первый успех.

Все решается в этот вечер. Я ухожу с Мишей за кулисы, где нас никто не может увидеть. И тут под замирающие аплодисменты публики он целует меня... Что за странное чувство! Сначала мне кажется, будто я умираю от блаженства. Но потом меня пронизывает глубокий страх: я еще нетронутая, «из приличного дома» и сексуально абсолютно невежественна; ему двадцать три, он уже знаменит как актер и режиссер у Станиславского, очарователен, явный соблазнитель и Дон Жуан театра.

«Если меня так поцеловал мужчина, — проносится в моей наивной голове, — то у меня будет ребенок».

Итак, густо покраснев и смутившись, я лепечу:

— Но теперь ты обязан на мне жениться, Миша...

Он смеется:

— А чего еще я могу пожелать?

Итак, мы женимся. По симулированному влечению, по решению, принятому в несколько секунд, в котором смешались моя неопытность, «страх за последствия», туманный романтизм, тщеславие, а у него — авантюризм, легкомыслие, мужская гордость «обладателя», и, возможно, известная доля расчета. Ибо Михаил Чехов, уже известный театральный деятель, имеет сравнительно неплохое жалованье, но все, что получает, разбрасывает полными пригоршнями. А я так называемая «хорошая партия» — мои родители состоятельны...

Для венчания Миша нашел маленькую деревеньку, примерно в десяти километрах от Москвы, чтобы быть уверенным, что наша тайная свадьба никем не будет расстроена. Правда, папа, который в соответствии с церковными предписаниями настаивает на письменном разрешении родителей, все равно приходится «подмазывать». И наместник Божий дает себя подкупить. Так приклонение-мечта начинается беспрепятственный и безумный бег: я надеваю свой самый элегантный наряд — черную бархатную юбку, белую шелковую блузку, черные лакированные туфли — и спешно укладываю ночную рубашку и зубную щетку. Затем мы встречаемся с шаферами где-то на окраине Москвы и на двух дрожках едем к месту нашего венчания. Я вся дрожу, но не от радостного возбуждения. Мне страшно. Как-то вдруг мне перестает нравиться это приклонение. Я обращаю страстные молитвы к небу, молю, еще что-нибудь случится, еще что-нибудь помешает...

Но ничего не случается.

Миша мужествен и серьезен. Церковь — маленькая простая часовня — явно не предназначена для того, чтобы поднять мое настроение.

Перед церковью стоят с десятком пожилых крестьян и по обычаю держат в руках зажженные свечи — «как на похоронах», пронзает меня мысль.

После венчания мы едем прямо на Мишину квартиру.

Едва войдя, сразу ощущаю, что меня ожидает в будущем: от его матери и няньки веет холодом неприязни. Обе безмерно гордятся своим Мишей. Обе не имеют и ничего не имеют против его подруг, которых он меняет как перчатки, — напротив, они кичатся этим, их Миша

Ольга Чехова в фильме «Ночь решений». 1936 г.

Ольга ЧЕХОВА

Век. Москва. - 1998. - 2 world. - с.6.

Бегство на «Свободе»

Она совершила его в 16 лет, тайно выйдя замуж за Михаила Чехова

— настоящий мужчина! Мать любит его просто до безумия.

А теперь вот приходит я, избалованная девушка из богатой семьи, его жена, принадлежать которой он должен отныне и навек. Мать Миши возненавидела меня с первого взгляда.

Она приготовила скромный свадебный обед. Но я не могу проглотить ни куска, положение ужасное, я ломаю себе голову, как сообщить своей семье о браке.

Наверное, через тетушку Ольгу Книппер-Чехову. Ведь это из-под ее опеки я улизнула. А она ни о чем не догадывается, не говоря уже о моих родителях.

После еды я прошу Мишу позвонить тете Ольге в театр и сказать, что сегодня вечером я к ней не приду, потому что... да, потому что мы поженились, ну и, разумеется, теперь я буду жить у мужа.

Миша звонит.

Тетя Ольга отвечает так громко, что свекровь, няня и я без всяких усилий тоже слышим ее: тетя Ольга велит передать мне, чтобы я без промедления возвращалась в ее квартиру — без промедления и без Миши! Мишина мать и няня злорадно усмеваются; они уже так и видят себя снова наедине с их ненаглядным Мишей.

Пока Миша и я размышляем, что же нам делать, Станиславский присылает друга, который без всяких поздравлений сурово «мылит Мише шею», называет все произошедшее скверной шуткой и категорически требует, чтобы брак незамедлительно был расторгнут, «чтобы избежать скандала».

Я собираю свои немногочисленные вещицы и еду обратно на квартиру к тете Ольге.

Миша меня не удерживает. Тетя Ольга тоже не решаетесь сразу поставить в известность папу. Она телеграфирует маме лаконично и завуалированно: «Срочно приезжай — по поводу Оли».

Уже на следующий день чуть свет приезжает мама. Узнав правду, она реагирует на удивление хладнокровно и с облегчением:

— Вышла замуж... что ж, слава Богу, это еще не самое страшное... Однако, когда мы остаемся вдвоем, она снова излагает мне свою точку зрения:

— Ты самовольно вышла замуж, что же, теперь изволь сама отвечать за последствия. Я дам тебе добрый совет: не сделай второй глупости. Смотри не забеременей, пока вы оба как следует не узнаете друг друга!

И все. Никаких упреков, жалоб, лишь еще одно утешение «на всякий случай»:

— Ты всегда можешь вернуться, если станешь невыносимо.

Однако при мысли об отце и моя отважная, дипломатичная и умудренная жизнью мама тоже впадает в некоторый пессимизм:

— Когда он обо всем узнает...

Можно не продолжать. Я знаю,

что меня ожидает...

Тем не менее уже следующим вечером мы в спальном вагоне выезжаем в Петербург. Тринадцать бесконечных часов. До отъезда я Мишу не видела и с ним не говорила.

В поездке у мамы довольно времени, чтобы разработать свою стратегию. «Приедем домой, ты сразу ляжешь в постель, — вслух размышляет она, — папа еще будет в министерстве, а когда вечером вернется, решит, что ты больна. Остальное предоставь мне...»

Что мама собирается сказать папе, она умалчивает. А я ее не спрашиваю. Она советует мне снять обручальное кольцо и спрятать паспорт, чтобы папа прежде времени не открыл, кто обвенчал меня и Мишу.

Я два дня лежу в постели и реву как бедула. Папа входит в мою комнату восемнадцать часов спустя. В соответствии с девизом «нападение — лучший вид обороны» я демонстрирую ему лучшие образцы своего актерского таланта. Я впадаю в истерику. Прежде чем у папы нахлынут слезы, я кричу: «Если ты будешь меня упрекать, выброшусь из окна!».

Возможно, у папы еще не изгладились воспоминания о недавней сцене — ведь я действительно однажды выпрыгнула, — а возможно, маленькое чудо совершила мамина дипломатия, в любом случае я побеждаю: папа гладит меня по голове, склоняется и целует в лоб.

Буря миновала. Но вскоре все тревожения сказываются на маме. У нее воспадение сердечной мышцы. Состояние ее внушает опасения. Она лежит полтора месяца.

Когда она совсем выздоравливает, папа объявляет мне свое решение спокойно и бесспорно:

— Что же, дитя мое, теперь ты можешь возвращаться к своему мужу — правда, без денег, без приданного и без драгоценностей. Разумеется, можешь забрать свое белье и платья...

Я еду в первом классе, теперь долгое время мне не доведется так ездить.

Миша и его мать забирают меня с вокзала. По дороге «домой» мы почти не разговариваем.

Как только я переступаю порог крошечной полутемной трехкомнатной квартирки, меня встречает приятно-ласковая улыбка няни.

Я в замешательстве.

Миша помогает мне разобрать багаж.

Няня между тем готовит ужин; она светится, гремит посудой, у нее явно не руки, а крюки. Свекровь кричит на нее, та не смеет и пикнуть. За едой они вновь безмолвно объединяются против меня в холодное неприятие.

Я торопливо ем и поспешно ухожу...

Свекровь никак не может заснуть — брызжит, ворочается в постели и зовет няню. Маша, так зовут это не-

счастное создание, должна, как обычно, почесать ей перед сном пятки.

Маша чешет.

В это время «мама», всхрипывая и без сновидений, проваливается в объятия Морфея.

Мне становится дурно. Миша улыбается. Не следует воспринимать все так серьезно, считает он, добавляя, что уже давно к этому привык...

Он ведет меня к своей, к нашей — постели.

Я стою, словно окаменев, и пытаюсь понять, что это означает «наша постель».

В какое-то мгновение я вновь чувствую его поцелуй, какой он подарил мне после того спектакля в школе-студии.

Но на губах остается пресный привкус.

В квартире дурно пахнет. И близости все так же храпит Мишина мать.

Я тоскую по свежему воздуху моей девичьей комнаты в Царском Селе.

Я говорю Мише, что сильно устаю. Я не лгу.

Это действительно так...

У Станиславского.

Что меня поддерживает в последние годы, так это учеба в Московском Художественном театре Станиславского.

Константин Сергеевич Станиславский — крупный мужчина, у него белые как снег волосы, кустистые черные брови и завораживающий взгляд. Его появление, как нечто само собой разумеющееся, тотчас вызывает у всех уважение и почитание, прежде всего, конечно же, у молодых актрис. Его критика объективна, порой едка, однако педагогический талант потрясающий.

мрак, теснота, спертый воздух, брызжащая больная свекровь с иссохшей, поработанной няней, и обе ненавидят меня.

Однажды я точно устанавливаю, что беременна.

Мне еще нет восемнадцати. Домашнее окружение угнетает меня, брак с Мишей оказался фарсом. Как и до женитьбы, после спектаклей он снова приводит домой поклонниц из театра.

Я пытаюсь понять, какие последствия в подобных обстоятельствах может иметь рождение ребенка, и, несмотря ни на что, стараюсь радоваться. Мне это не удается. Остаются лишь неопределенность и мучительное беспокойство. Ибо помимо личных проблем в нашу жизнь входят события, перевернувшие всю страну: начинается война.

Я пытаюсь прервать беременность: принимаю горячие ванны, пью какие-то невероятные чаи, экспериментирую с какими-то сомнительными травами и прыгаю на пол со столов и стульев. Тщетно. Позднее я буду счастлива, что у меня есть ребенок. Но во время беременности нет и намека на подобное счастье.

Тогда я говорю Мише, что жду ребенка.

Он только бросает на меня взгляд, пожимает плечами и уходит из дому.

Михаил Чехов

Тогда забираюсь в кусты. Мне холодно. Но усталость побеждает. Я засыпаю.

На рассвете слышу хруст сучьев и звуки, знакомые мне с детства: это ворчание медведя.

Удивительно, но я не очень пугаюсь, может быть, потому, что еще окончательно не проснулась. То ли кошмарное видение потрясло меня в полусне, то ли мной руководит провидение: я предчувствую близкую опасность и тем не менее остаюсь совершенно спокойной, следуя за белым пятном, которое высвечивает перетекающие одна в другую картины сна. Световое пятно удаляется. Я бегу за ним, как в трансе, метр или километр — трудно определить.

При этом совершенно отчетливо ощущаю на затылке горячее дыхание медведя.

Вдруг я сильно ударяюсь головой и сразу же прихожу в себя. Я выбежала по лесной просеке к телеге с дровами.

Выстрелы разрывают тишину.

Бледный крестьянин на телеге опускает ружье и ошеломленно смотрит на меня. Его выстрелы отпугнули медведя.

— Ты бежала впереди него как сумасшедшая, — бормочет он испуганно. — В твоём положении!.. Матерь Божья, спаси и сохрани!

Он крестит меня.

Его короткая молитва, похоже, услышана: в целости и сохранности он доставляет меня на дачу.

Мишина мать тотчас едет со мной в Москву в клинику. Миша остается на даче; он обещает приехать, как только придет время родов.

В клинике меня охватывают приступы боли. Во время родов я нахожусь на грани жизни и смерти.

Жизнь побеждает.

Так в мир приходит моя дочь Ада. В мир, в котором бушует война и заявляет о себе русская революция.

Хаос начинается...

Миша пока не видел своей дочери. Он так и не приехал с дачи в московскую клинику. Но вскоре мы снова все вместе: Миша, его мать, няня и я с маленькой Адой. И все продолжается, как прежде. С рождением ребенка ничего не меняется.

Я решаю расстаться с Мишей.

И тут происходит нечто, чего мы не предполагали: Мише присылают мобилизационное предписание.

Сначала мы решаем, что это ошибка, потому что он не совсем здоров. Миша отправляется навести справки. Из военного ведомства он возвращается домой пьяным.

— Им нужен каждый мужчина! — истерически кричит он. — Здоровые или больные, теперь все годны! — Он хватает блюдо и бросает его о стену.

Летят осколки. Грохот приносит ему облегчение. Протрезвев на мгновение, решительно и категорично бормочет:

— На войну я не пойду. Мы возьмем винтовку в руки. Я не стану стрелять в человека...

— Они сошлют тебя в Сибирь, — говорю я тихо, — или повесят...

Миша переживает плечами:

Вполне возможно...

Он продолжает пить, безостановочно, до потери сознания. Я пытаюсь удержать его, отнимаю стакан, трясусь и кричу:

— У тебя же вечером спектакль!

Он отталкивает меня и продолжает пить.

Его мать безучастно смотрит на него.

— Почему ты ничего не делаешь?

— В отчаянии спрашиваю я ее.

Она равнодушно машет рукой:

— Он, как и отец, который пил три дня подряд, потом неделями ни капли и вдруг снова днями и ночами, не прекращая. Я ничего не могу поделать...

Я иду к Станиславскому и объясняю, что происходит с Мишей. Тот внимательно слушает меня. На этот раз он понимает, отчего Миша пьет, говорит он, и подчеркивает: «На этот раз...».

Зато я не понимаю его.

Станиславский терпеливо объясняет: ему нередко приходится заменять спектакли, потому что Миша совершенно пьян. По-видимому, я об этом ничего не знаю?

— Не имею представления, — отвечаю я потрясенно.

Станиславский верит. Поначалу, добавляет он, пробовали заменить Мишу другим актером, чтобы спасти спектакль. Но публика не принимает замен, она хочет именно его, Михаила Чехова, талантливого и обворожительного.

Станиславский дает указание снять пьесу, в которой должен играть Миша сегодня вечером, и заменить другой. Я умоляю Станиславского предпринять все, чтобы освободить Мишу от воинской повинности: «Он не пойдет служить — они заберут и повесят его...».

Станиславский вызволяет Мишу. Узнав, что я была у Станиславского, Миша падает мне в ноги и кланяется, что больше никогда не возьмет в рот ни капли и не будет водить домой «этих девушек».

Две недели спустя ночью он снова приводит домой одну из «этих девушек», а через несколько дней после этого напивается до бесчувствия.

Когда он трезвеет, я с маленькой дочкой покидаю этот дом — навсегда. Я говорю ему, что буду разводиться.

Он идет за мной и снова кланяется больше никогда не пить, если я вернусь к нему.

Я не возвращаюсь.

Тем не менее в этот день он больше не берет в рот ни капли алкоголя и вскоре женится на юной девушке с теннисного корта.

Мы встретимся с ним в Германии. В фильме под мое режиссурой он будет играть одну из главных ролей...

Книга воспоминаний Ольги Чеховой «Мои часы идут иначе» выходит в издательстве «Вагриус»